

Н.А. КРАСАВСКИЙ
(Волгоград)

**КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ «СТРАХ»
И «ВИНА» В РОМАНЕ ГЕРМАНА
ГЕССЕ «ДЕМИАН. ИСТОРИЯ
ЮНОСТИ, НАПИСАННАЯ ЭМИЛЕМ
СИНКЛЕРОМ»**

Исследуются концепты «страх» и «вина», относящиеся к числу ключевых концептов романа немецко-швейцарского писателя Германа Гессе «Демриан. История юности, написанная Эмилем Синклером». Высокочастотное использование номинантов и экспликантов этих концептов обусловлено коммуникативным замыслом автора романа – показать трудный путь социализации человека в детском и подростковом возрасте.

Ключевые слова: *концепт, текст, пассаж, роман, протагонист, эмоция, обозначения концепта, выражение концепта.*

Творчество Германа Гессе привлекало и продолжает привлекать внимание филологов [1; 2; 3, с. 497–510; 6; 7, с. 169–219; 8–10], что обусловлено масштабом личности немецко-швейцарского писателя, глубиной его мышления, затронутых им проблем, не теряющих своей актуальности и сегодня, и самим стилем изложения высокохудожественных произведений. Герман Гессе, родившийся в 1878 г., стал свидетелем значительных исторических европейских трансформаций: свержение кайзеровской империи в Германии, установление в ней на относительно короткий период Веймарской республики, приход к власти национал-социалистов, две мировые войны. Национал-социализм и Вторая мировая война, разумеется, не могли не повлиять на мировосприятие писателя, в частности, этими событиями было вызвано его глубокое разочарование в системе европейских ценностей. Отсюда и увлечение Г. Гессе восточной философией и религией. Достаточно вспомнить такие его наполненные восточными мотивами произведения, как “Siddhartha. Eine indische Dichtung” («Сиддхартха. Индийская поэма»), “Die Morgenlandfahrt” («Паломничество в страну Востока»).

Роман Г. Гессе “Demian. Die Geschichte von Emil Sinclairs Jugend” («Демриан. История юности, написанная Эмилем Синклером»), издан-

ный в 1919 г., не стоит в ряду восточной тематики писателя. Но в нем, так же как и в указанных выше произведениях Г. Гессе, красной нитью проходит идея самоидентификации личности, поиска человеком своей индивидуальности, освоение системы ценностей культуры.

Сама идея художественного произведения лежит в основе его концептосферы. В концептосфере, понимаемой как совокупность концептов, выделяются ключевые (основные) концепты. Выявление ключевых концептов в индивидуально-авторской концептосфере – достаточно сложная исследовательская задача, решение которой сопряжено с определением критериальной базы данных ментальных единиц. Одним из критериев выявления индивидуально-авторских ключевых концептов, на наш взгляд, служат квантитативные показатели употребления их вербальных репрезентантов.

Концепт актуализируется такими способами, как обозначение и выражение. В.И. Карасик отмечает, что обозначение концепта – это присвоение конкретному фрагменту действительности специального знака. Выражение концепта – «это вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание» [4, с. 15]. В индивидуально-авторской картине мира концепт находит свое речевое воплощение посредством сложной траектории его освоения конкретной личностью, обрастая при этом многочисленными дополнительными смыслами. Индивидуально-авторский концепт, согласно В.И. Карасику, это «представление или мысленный образ в авторском индивидуальном сознании, перешедший в результате особенностей концептуализации писателем фрагментов бытия в разряд ключевого, то есть получивший в авторском восприятии особую культурно-смысловую ценность, и, следовательно, оказывающийся личностно значимым» [5, с. 76].

Индивидуально-авторские концептосферы представляют собой результат освоения действительности конкретным индивидом и его оценочного отношения к ней. Применительно к писательской деятельности целесообразно выделение концептосфер отдельных художественных произведений, в совокупности представляющих собой индивидуально-авторскую концептосферу. Концептосфера того или иного художественного произведения и, в частно-

сти, его ключевые концепты детерминируются самой его идеей и тематической направленностью. В значительной части художественных произведений часто актуализируются одни и те же концепты-универсалии, т.е. смысловые образования, несущие в себе важнейшие ценности социума – поиск смысла жизни, добро, любовь, дружба, справедливость и т.п. Однако их удельный вес в концептосфере той или иной языковой личности (например, писателя, поэта) – более того – в концептосфере разных текстов (к примеру, текстов художественных произведений), созданных одним и тем же автором, оказывается обычно различным. Иначе говоря, различным бывает само ранжирование концептов в концептосфере разных произведений одной и той же языковой личности. Например, можно назвать одним из ключевых концептов «одиночество», актуализируемый во многих романах и повестях Германа Гессе. Концепт «вина» оказывается в таком статусе в романе «Нарцисс и Златоуст».

В предлагаемой читателю статье ставится задача охарактеризовать два ключевых концепта романа Г. Гессе «Демьян. История юности, написанная Эмилем Синклером» «страх» и «вина» и выявить в этом произведении доминирующие способы их вербализации. Данный роман автобиографичен. В нем (в особенности в его первой части) изображен мир глубоких детских и подростковых переживаний Эмиля Синклера, выступающего в качестве рассказчика. Родители Эмиля – состоятельные люди, любящие своего сына, много внимания уделяющие его христианскому воспитанию. Свою жизнь в семье Эмиль называет *lichte Welt* (светлый мир), которому, как он поймет позже, столкнувшись с действительностью, противопоставит *dunkle Welt* (темный мир). Десятилетний мальчик из элитной школы оказывается случайно в компании подростков из неблагополучных семей. В своем желании самоутвердиться среди своих приятелей он выдумывает историю с воровством яблок у мельника. Неформальный лидер этой компании Франц Кромер использует этот рассказ Эмиля в качестве материала для его шантажа. Кромер требует денег и частично получает их от Эмиля, испытывающего страх перед ним и чувство глубокой вины перед родителями. Таков вкратце сюжет первой части романа Г. Гессе.

История, случившаяся с Эмилем, выводит его из мира спокойного, беззаботного детства, из «светлого мира» (*lichte Welt*) родительского дома в мир жестокой реальности, в «тем-

ный мир» (*dunkle Welt*) улицы. Герман Гессе мастерски передает глубокие переживания Синклера, его первые серьезные размышления о жизни мира взрослых. Эмиль Синклер впервые начинает осознавать уязвимость своего положения, вызванную зависимостью от других людей, слабостью своего характера. Неделями он живет в страхе быть разоблаченным в семье, испытывая вину перед отцом и матерью. Душевные страдания теперь постоянно сопровождают его. Из триады названных эмоций страх наиболее часто вербализуется в первой части романа. Концепт «страх», как показывает исследованный материал, обозначается в произведении доминантной лексемой “Angst” (страх) и ее многочисленными синонимичными лексическими единицами – “Furcht” (страх, боязнь), “Schreck” (испуг), “Grauen” (ужас), “Schauer” (трепет), “Entsetzen” (ужас), “Scheu” (боязнь, робость), “Bangnis” (робость, страх). Все они обладают объемным деривационным полем: *ängstlich, verängstigen, beängstigt, Verängstigung, angstvoll, Angstanfälle, fürchterlich, furchtbar, Furchtsame, Furchtlose, Schrecken, abschrecken, erschrecken, schreckhaft, grauenhaft, schauernd, aufschauern, überschauern, entsetzlich, scheuen*. Общее количество членов синонимического ряда “Angst” и их производных в романе равно 33. Индекс частотности употребления данных лексических единиц в этом произведении 151. Высокие количественные показатели использования номинантов страха в романе Гессе «Демьян. История юности, написанная Эмилем Синклером» свидетельствуют о значительной степени актуализации данной эмоции.

В приведенном ниже отрывке из романа Эмиль перед сном в постели вспоминает уходящий день. Мысль о недавней встрече с шантажистом Кромером вызывает у Эмиля панический страх. Францу Кромеру противопоставлены родители Эмиля как представители «светлого мира» (*lichte Welt*), в особенности заботливая мать, олицетворяющая тепло и свет: *Im Bett, als ich eine Weile gelegen war, als Wärme und Geborgenheit mich liebevoll umgab, irrte mein Herz in der Angst noch einmal zurück, flatterte bang um das Vergangene. Meine Mutter hatte mir wie immer gute Nacht gesagt, ihr Schritt klang noch im Zimmer nach, der Schein ihrer Kerze glühte noch im Türspalt. Jetzt, dachte ich, jetzt kommt sie noch einmal zurück – sie hat es gefühlt, sie gibt mir einen Kuß und fragt, fragt gütig und verheißungsvoll, und dann schmilzt mir der Stein im Halse, dann umschlinge ich sie und sage es ihr,*

und dann ist es gut, dann ist Rettung da! Und als der Türspalt schon dunkel geworden war, horchte ich noch eine Weile und meinte, es müsse und müsse geschehen [12]. Помимо номинанта эмоции “Angst” в приведенном контексте употреблена лексема “Herz” (сердце), метафорически описывающая это переживание протагониста – *irrte mein Herz in der Angst noch einmal zurück, flatterte bang um das Vergangene*. Глаголы “irren” (блуждать) и “flattern” (трепетать) ярко и образно выражают концепт «страх». Использование в приведенном пассаже наречия “bang” (боязливо, тревожно) уточняет эмоциональное состояние Эмиля, подчеркивая интенсивность его переживания. Как можно видеть, здесь имеют место два способа вербализации концепта страха – его обозначение и выражение.

Кроме комбинированного способа вербализации страха в романе достаточно часто его выражение. Приведем пример: *Der Anblick machte mich zittern. Er ist tot! dachte ich, beinahe sagte ich es laut. Aber ich wußte, daß er nicht tot sei. Ich hing mit gebanntem Blick an seinem Gesicht, an dieser blassen, steinernen Maske, und ich fühlte: das war Demian! Wie er sonst war, wenn er mit mir ging und sprach, das war nur ein halber Demian, einer, der zeitweilig eine Rolle spielte, sich anbequemte, aus Gefälligkeit mitat. Der wirkliche Demian aber sah so aus, so wie dieser, so steinern, uralt, tierhaft, steinhalt, schön und kalt, tot und heimlich voll von unerhörtem Leben. Und um ihn her diese stille Leere, dieser Äther und Sternerraum, dieser einsame Tod!* [12]. В данном эпизоде романа Эмиль наблюдает во время урока в школе медитацию своего нового друга Демиана. Медитирующий кажется Эмилю умершим (tot), что вызывает у него чувство страха, переданное посредством глагола “zittern” (дрожать). Концепт «страх» актуализируется без употребления его номинантов и в следующем отрывке романа: *Er ließ mich plötzlich wieder los. Unsre Hausflur roch nicht mehr nach Frieden und Sicherheit, die Welt brach um mich zusammen. Er würde mich anzeigen, ich war ein Verbrecher, man würde es dem Vater sagen, vielleicht würde sogar die Polizei kommen* [Там же]. В приведенном текстовом пассаже передана атмосфера страха, в которой оказался Эмиль Синклер после разговора с Кромером, угрожающим донесением в полицию о факте воровства яблок. Эмиль чувствует себе преступником и с ужасом думает о реакции отца на это донесение Франца Кромера. Страх Эмиля выражен устойчивым словосочетанием *die Welt*

brach um mich zusammen (Мир рушился вокруг меня), подчеркивающим паническое настроение протагониста.

Обращает на себя внимание высокочастотное использование в романе при выражении концепта «страх» лексем “das Herz” (сердце) и “die Seele” (душа). Индекс частотности первой составляет 14, второй – 10. В нижеприведенном пассаже дано описание эмоционального состояния Эмиля Синклера на второй день после разговора с Францем Кромером. Эмиль мысленно прощается с находящимися в его комнате книгами, картинами, мебелью, чувствуя, что он своим проступком их предал. Жутким холодом охвачено его сердце (*mit erfrierendem Herzen*), холодом страха неизбежной потери, потери в семье счастливой жизни (*glückliches Leben*), которая сменилась по его вине мраком чужого, темного мира (*im Finstern und Fremden*): *Ich hatte den ganzen Abend einzig damit zu tun, mich an die veränderte Luft in unsrem Wohnzimmer zu gewöhnen. Wanduhr und Tisch, Bibel und Spiegel, Bücherbord und Bilder an der Wand nahmen gleichsam Abschied von mir, ich mußte mit erfrierendem Herzen zusehen, wie meine Welt, wie mein gutes, glückliches Leben Vergangenheit wurde und sich von mir ablöste, und mußte spüren, wie ich mit neuen, saugenden Wurzeln draußen im Finstern und Fremden verankert und festgehalten war. Zum erstenmal kostete ich den Tod, und der Tod schmeckt bitter, denn er ist Geburt, ist Angst und Bangnis vor furchtbarer Neuerung* [12].

Заметим, что по частотности применения комбинированный способ речевого воплощения концепта «страх» является доминирующим в романе Г. Гессе.

Значительное место в когнитивном пространстве романа «Демиан. История юности, написанная Эмилем Синклером» занимает концепт «вина» (*Schuld*), что обусловлено его идейным содержанием – процессом сложного становления личности. В немецком языке данный концепт, судя по лексикографическим источникам [11, с. 556; 13, с. 483], обозначается следующими синонимами – *Schuld, Schuldgefühl, Schuldbewusstsein, Schuldkomplex, Gewissensbisse, Skrupel, Gewissensskrupel, Gewissensnot, Gewissensqual, Gewissenspein, Gewissenslast*. Доминантой в нем выступает лексема “Schuld”. В рассматриваемом произведении Г. Гессе концепт «вина» обозначается преимущественно лексемой “Schuld” и ее дериватами *schuldvoll, schuldig, schuldbewusst*. Частотность их употребления равна 11.

В нижеприведенном пассаже романа чувство вины Эмиля передано лексемой *schuldvoll*: *Am Rechen neben der Glastüre hing der Hut meines Vaters und der Sonnenschirm meiner Mutter, Heimat und Zärtlichkeit strömte mir von allen diesen Dingen entgegen, mein Herz begrüßte sie flehend und dankbar, wie der verlorene Sohn den Anblick und Geruch der alten heimatlichen Stuben. Aber das alles gehörte mir jetzt nicht mehr, das alles war lichte Vater- und Mutterwelt, und ich war tief und schuldvoll in die fremde Flut versunken, in Abenteuer und Sünde verstrickt, vom Feind bedroht und von Gefahren, Angst und Schande erwartet* [12]. Эмиль, вернувшись с прогулки в сомнительной компании Кромера, чувствует контраст между двумя мирами – светлым родительским (*lichte Vater – und Mutterwelt*), который олицетворяют прежде всего материнская забота и нежность, и темным, наполненным враждебностью и злостью (*Feind*) миром улицы. Чувство вины в сознании Эмиля ассоциировано с грехопадением (*Sünde*) и стыдом (*Schande*). Метафорами *in die fremde Flut versunken* (букв. «окунуться в чужой потоп»), *in Abenteuer und Sünde verstrickt* («запутаться в приключениях и грехах») образно характеризуется эмоциональное состояние протагониста. Г. Гессе психологически тонко изображает противоречивый внутренний мир мальчика Эмиля, в своем воображении рисуя его себя совершившим большое злодеяние преступником. Эмиль чувствует свое превосходство над отцом, который отчитывает его за внешний вид: *“Wenn du wüßtest!” dachte ich und kam mir vor wie ein Verbrecher, den man wegen einer gestohlenen Semmel verhört, während er Morde zu gestehen hätte. Es war ein häßliches und widriges Gefühl, aber es war stark und hatte einen tiefen Reiz, und es kettete mich fester als jeder andere Gedanke an mein Geheimnis und meine Schuld* [Там же]. Вина и раскаяние Эмиля теперь уступают место более сложному чувству – злорадному превосходству над отцом, не догадывающимся о грехопадении сына. Эпитеты *hässliches* (отвратительный) и *widriges* (мерзкий), ярко характеризующие это чувство, иллюстрируют его глубокую привлекательность для Эмиля (*einen tiefen Reiz*). Метафорически использованный в данном контексте глагол *ketten* (привязать цепью) создает оригинальный образ душевного состояния Эмиля Синклера.

В романе «Демиан. История юности, написанная Эмилем Синклером», как показывает материал, концепт «вина» значительно

чаще выражается, чем обозначается. Приведем пример: *Der Hut und Sonnenschirm, der gute alte Sandsteinboden, das große Bild überm Flurschrank, und drinnen aus dem Wohnzimmer her die Stimme meiner älteren Schwester, das alles war lieber, zarter und köstlicher als je, aber es war nicht Trost mehr und sicheres Gut, es war lauter Vorwurf. Dies alles war nicht mehr mein, ich konnte an seiner Heiterkeit und Stille nicht teilhaben. Ich trug Schmutz an meinen Füßen, den ich nicht an der Matte abstreifen konnte, ich brachte Schatten mit mir, von denen die Heimatwelt nichts wußte. <...> Ob nun mein Verbrechen ein Diebstahl war oder eine Lüge (hatte ich nicht einen falschen Eid bei Gott und Seligkeit geschworen?) – das war einerlei. Meine Sünde war nicht dies oder das, meine Sünde war, daß ich dem Teufel die Hand gegeben hatte. Warum war ich mitgegangen? Warum hatte ich dem Kromer gehorcht, besser als je meinem Vater? Warum hatte ich die Geschichte von jenem Diebstahl erlogen? Mich mit Verbrechen gebrüstet, als wären es Heldentaten? Nun hielt der Teufel meine Hand, nun war der Feind hinter mir her* [12]. Вернувшись домой после общения с Кромером и его компанией, Эмиль испытывает угнетающие его угрызения совести (*lauter Vorwurf*) перед своей семьей. Царящая веселость, спокойствие и гармония в семье (символы светлого мира) контрастируют с темным миром, завлекшим Эмиля – грязь на башмаках, принесенная им в родительский дом, тень Эмиля как материализация дьявола (*der Teufel*). Чувство вины протагониста граничит с глубоким раскаянием: *Warum hatte ich dem Kromer gehorcht, besser als je meinem Vater? Warum hatte ich die Geschichte von jenem Diebstahl erlogen?*

В ряде случаев концепт «вина» находит речевое воплощение в одном и том же контексте с концептом «страх»: *Es war mir schlimm zumute, als ich auf Socken in das Zimmer meiner Mutter schlich und aus ihrem Schreibtisch meine Büchse nahm; aber so schlimm wie das Gestrige war es nicht. Das Herzklopfen würgte mich, und es wurde nicht besser, als ich drunten im Treppenhaus beim ersten Untersuchen fand, daß die Büchse verschlossen war. Es ging sehr leicht, sie aufzubrechen, es war nur ein dünnes Blechgitter zu durchreißen; aber der Riß tat weh, erst damit hatte ich Diebstahl begangen. Bis dahin hatte ich nur genascht, Zuckerstücke und Obst. Dies nun war gestohlen, obwohl es mein eigenes Geld war. Ich spürte, wie ich wieder einen Schritt näher bei Kromer und seiner Welt war, wie es so hübsch Zug um Zug abwärts ging...* [Там же]. Эмиль вынуж-

ден под шантажом Франца Кромера вскрыть дома копилку для изъятия денег. Чувство глубокой вины (*es war mir schlimm zumute*) сочетается с переживанием страха быть пойманным на месте преступления (*das Herzklopfen würgte mich*). Посредством лексем *würgen* (душить) и *das Herzklopfen* (сердцебиение) образно передано эмоциональное состояние протагониста, ощущающего себя вором (*Diebstahl begangen, gestohlen*). Устойчивым выражением *abwärts gehen* (букв. «спускаться вниз») выражена идея деградации личности, ее нравственно-го падения.

Подытожим изложенное выше. К числу ключевых в романе Г. Гессе «Демьян. История юности, написанная Эмилем Синклером» мы относим концепты «страх» и «вина». Эти концепты имеют высокую степень актуализации в данном художественном произведении, о чем свидетельствуют количественные показатели употребления их номинантов и экспликантов. Высокочастотное использование слов, обозначающих и выражающих концепты «страх» и «вина», обусловлено одной из стержневых идей романа – показать трудный путь социализации человека в детском и подростковом возрасте, сопряженном с глубокими переживаниями, в числе которых страх перед наказанием и вина за содеянное.

Концепт «страх» по сравнению с концептом «вина» в романе имеет более вариативную систему обозначений, что обусловлено большим набором синонимов, номинирующих страх в немецком языке, равно как и их значительным деривационным полем. Концепт «вина» в романе Г. Гессе кратко чаще выражается, чем обозначается. Комбинированный способ является доминирующим при актуализации концепта «страх». Данный способ репрезентации концепта сочетает в себе его обозначение и выражение в одном и том же контексте.

К числу ассоциативно-образных признаков индивидуально-авторского концепта «страх» Г. Гессе относятся *дрожь, темнота, разрушенный мир, каменная маска, застывшее сердце*. У индивидуально-авторского концепта «вина» выявлены следующие ассоциативно-образные признаки – *враг, цепь, потоп, грязь, дьявол*.

Список литературы

1. Березина А.Г. Г. Гессе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.
2. Блохина Н.А. Персонаж в системе мотивов: на материале произведений Г. Гессе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003.

3. Каралашвили Р.Г. Комментарии // Г. Гессе. Собрание сочинений: в 4 т. СПб.: Северо-Запад, 1994. Т. 2. С. 497–510.

4. Карасик В.И. Концепт как категория лингвокультурологии // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. 2002. № 1(01). С. 14–23.

5. Карасик В.И. Индивидуально-авторские концепты // Карасик В.И., Красавский Н.А., Слышкин Г.Г. Лингвоконцептология: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. С. 75–88.

6. Лазуткина О.А. Концепция человека в циклах рассказов Германа Гессе «По эту сторону», «Соседи», «Окольные пути»: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008.

7. Науменко А.С. Писатель, околдованный книгой // Г. Гессе. Магия книги. М.: Книга, 1990. С. 169–219.

8. Некрасова Т.Е. Специфика художественного метода и проблема гуманизма в творчестве Г. Гессе (на материале поздних романов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.

9. Терехова Т.В. Проблематика и особенности поэтики раннего творчества Германа Гессе 1890-х – 1920-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2009.

10. Юрикова Н.И. Средства выражения персонификации в произведениях Германа Гессе: когнитивно-прагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

11. Bulitta E., Bulitta H. Wörterbuch der Synonyme und Antonyme. Fischer Taschenbuch Verlag, 2000.

12. Hesse H. Demian. Die Geschichte von Emil Sinclairs Jugend. Memmingen, 1969.

13. Synonymwörterbuch: Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache. Hrsg. von H. Gröner u. G. Kempcke. Leipzig, Bibliographisches Institut, 1987.

* * *

1. Berezina A.G. G. Gesse. L.: Izd-vo LGU, 1976.

2. Blohina N.A. Personazh v sisteme motivov: na materiale proizvedenij G. Gesse: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 2003.

3. Karalashvili R.G. Kommentarii // G. Gesse. Sbranie sochinenij: v 4 t. SPb.: Severo-Zapad, 1994. T. 2. S. 497–510.

4. Karasik V.I. Konzept kak kategorija lingvokul'turologii // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser.: Filologicheskie nauki. 2002. № 1(01). S. 14–23.

5. Karasik V.I. Individual'no-avtorskie koncepty // Karasik V.I., Krasavskij N.A., Slyshkin G.G. Lingvokonceptologija: ucheb. posobie. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2014. S. 75–88.

6. Lazutkina O.A. Konceptija cheloveka v ciklah rasskazov Germana Gesse «Po jetu storonu», «Sosedji», «Okol'nye puti»: dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2008.

7. Naumenko A.S. Pisatel', okoldovannyj knigoj // G. Gesse. Magija knigi. M.: Kniga, 1990. S. 169–219.

8. Nekrasova T.E. Specifika hudozhestvennogo metoda i problema gumanizma v tvorchestve G. Gesse (na materiale pozdnih romanov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1987.

9. Terehova T.V. Problematika i osobennosti pojetiki rannego tvorchestva Germana Gesse 1890-h – 1920-h godov: dis. ... kand. filol. nauk. Orel, 2009.

10. Jurikova N.I. Sredstva vyrazhenija personifikacii v proizvedenijah Germana Gesse: kognitivno-pragmaticheskij aspekt: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2008.

***Key concepts of “fear” and “guilt”
in the novel by Herman Hesse “Demian:
The Story of Emil Sinclair’s Youth”***

The article deals with the concepts of “fear” and “guilt” related to the key concepts of the novel by German and Swiss writer Hermann Hesse “Demian: The Story of Emil Sinclair’s Youth”. Frequent use of nominants and explicants of these concepts is conditioned by the author’s communicative intention – to show the difficult path of human socialization in childhood and adolescence.

Key words: *concept, text, passage, novel, protagonist, emotion, denoting the concept, expressing the concept.*

(Статья поступила в редакцию 25.08.2017)

